

Парень вздрогнул на минуту.

— Говори! — повторил низенький мужичок и вскинул, в виде угрозы, винтовку к плечу.

Из груди парня хотел вырваться какой-то звук, но так на половине и замер.

В это время из винтовки рыжего мужика вылетел белый дымок, и парень, как бы с открытыми глазами, так и рухнул под дерево без звука.

Через несколько минут, бросивши парня в болото, мужики уже во всю прыть скакали по направлению к деревне. Михейко остался искупительной жертвой поселенцев за все их преступления. Долго еще бедный Михейко лежал на болоте, когда наши беглецы были уже далеко.

Мы не будем следить за дальнейшей их участью. Конец ее не трудно отгадать, хотя трудно сказать, где эти люди будут даже через день, не только через месяц. По всей вероятности, однако, что каторжный будет где-нибудь судиться за побег, взятый около Шадринска. Камердинер и маркер будут сидеть, может быть, в Омском, а может быть, в Тюменском замке, где они будут беседовать с своим петербургским земляком. Некоторые из них пойдут назад в Сибирь на заводы и в рудники, и, проходя по сибирским замкам в Томске или в Красноярске, некоторые из них, вероятно, найдут бойкого мужчину, судившегося за фальшивую ревизию. Иные, проболтавшись до осени, когда их застанут холода, сами придут проситься в тюрьму, а иные совсем пропадут бесследно, как бедный Михейко. Из года в год у многих потянется эта жизнь то в бегах, то на каторге. Такая жизнь будет богата множеством подвигов и приключений, много придется пережить и перечувствовать. В ней отразится жгучая тоска по родине, истинное горе и личные страдания так же, как много ядовитой злобы и мести. Невинная сибирская почва поэтому не раз еще примет крестьянские и бродяжеские жертвы в свои недра, в то время, когда девственная и могучая природа будет сиять своими красотами, одеваться цветными лугами, зеленеть и шуметь своими бесконечными лесами.

Поселенческое проклятие не раз раздастся в этих пустынях, когда молодая и богатая страна, казалось, сулит столько счастья, столько довольства человеку.

Литературный сборник. СПб., издание редакции «Восточного обозрения», 1885.

СИБИРСКАЯ ШВЕЙЦАРИЯ

(Из путевых записок об Алтае)

В странствиях по Сибири я давно искал случая посмотреть Алтайские горы с Бухтарминским краем, привольную местность, обладающую прекрасным климатом, которая вполне может быть названа Сибирской Швейцарией.

В 1878 году, проехав пространство монотонных и бесконечных сибирских степей на Бийско-Каменогорском тракте, я коснулся наконец предгорий Алтая. Прекрасная зеленая равнина Алея уступала место новой природе.

Подъезжая к этим предгорьям и впиваясь взором в лазурную даль летнего воздуха, дрожащего и волнующегося над почвой, разогретой лучами жгучего летнего солнца, мы внезапно увидели синие абрисы далеких гор, которые выступали как бы массивные пресс-папье на бесконечно стелющейся равнине. Приближение массивных величественных громад вместо обыкновенных гор, к которым мы присмотрелись, и производит особое тревожное и приятное ощущение. Я никогда не забуду первого подъема на горы и созерцание окружающего вида. Первое впечатление — самое живое впечатление.

Хотя горы едва обрисовывались, но место заметно становилось волнистое. Несколько раз в своем воображении я сравнивал эти волны, лежащие как продолжение далеких возвышенностей, со складками огромной зеленой мантии, спускающейся с царственных алтайских высот в долины.

К моему удивлению, в местном наречии я нашел совершенно тождественное название «подол горы». Множество алтайских деревень расположены на *подоле*, или на шлейфе, этой горной мантии. Среди видимых гор постепенно проступала темно-синяя или сизая сопка — это была Синюха Западного Алтая (название Синюхи, слишком распространенное на Алтае, применительно к покрытым хвоей горам); настоящая Синюха была исторической замечательностью Алтая. Пока горы были видны, верст за 20 или 30, на зеленых полях, там и здесь, начали появляться каменные обнажения — это были куски неправильных камней; чем далее, тем более их было набросано в самом причудливом беспорядке: они выступали остроконечными ребрами, валунами или накиданными кучами, но они не были безжизненными массами, порождавшими бесплодие каменистой пустыни; напротив, около каждого из них выбегала свежая зелень, ютилась березка, а иногда эти пирамиды осеняло величественное дерево, охватывая живыми корнями подножия камней. В этих сочетаниях камней люди живого воображения отыскивают сходство со стволами, мертвыми головами, профилями застывших животных, башнями, развалинами древних замков и т. д. Чем далее в горы, тем рельефнее выходят каменные обнажения; появляются скалы известняка, гранита, мрамора. Иногда это виды целых разрушенных городов и крепостей, целые поля каких-то немых и фантастических изваяний природы, перемежающихся с зеленью. Роскошная растительность осеняет их: здесь видна цветущая жимолость, акация, калина, черемуха, а поля усеяны пестрыми и яркими цветами. Такова местность близ деревни Саушки при приближении к Колыванскому озеру и Колыванскому заводу.

Колыванское озеро и гора Синюха с расположенной у подножия ее Колыванскою фабрикою — две первые замечательные ме-

стности, останавливающие взор путешественников в преддвериях Алтая. Слово «Колывань» на большой сибирской дороге (от Тюмени до Томска) пользуется весьма незавидной репутацией: это дрянной заштатный городишко на утомительной грязной дороге; название «город» в применении к нему вызывает обыкновенно презрительную улыбку в проезжающем из России. Город этот, собственно, административная фантазия; назначенный быть городом, он беспрестанно то оставляется за штатом, то снова возводится в звание города. Однажды он сбежал и квартировал несколько лет в деревне, пока его не разыскали и вновь не водворили на предназначенных пустырях. Не то Колывань — Алтай. Когда-то это имя было дано первым Демидовским заводом, открывшим драгоценные залежи руды; впоследствии оно присвоено было целому наместничеству (в 1792 г.). Ныне оно сохранилось как традиция и дано в наследство гранитной Колыванской фабрике, о которой мы поведем речь. Это же название носит одно из живописнейших озер Алтая.

Колыванское озеро и Колыванская фабрика редко посещаются проезжими, потому что они расположены в глуши и вдали от главного сибирского тракта, но кто из путешественников заглядывал сюда, выносил самые яркие, самые неожиданные впечатления. Колыванское озеро, расположенное среди полуразрушенных, выветрившихся гранитных пород, перемежающихся с полями свежей зелени и живописными лесками, окружено романтическим пейзажем и производит фантастическое обаяние. Рассказывают, что одна девушка, привезенная сюда непредусмотрительными родителями для развлечения и лечения от душевной болезни, бродя среди уединенных скал и пропастей, совершенно помешалась. Люди более здоровые не могут не почувствовать своего рода припадка романтизма. Ребенок, воспитанный в этой местности, в лице дочери одного инженера, получил полный отпечаток романтизма в искании опасностей, в любви к скалам, пропастям, дикой отваге и склонности к фантастическому и оригинальному. Даже суровые и закаленные путешественники, весьма равнодушные иногда к красотам природы, не могут не почувствовать здесь восторга. В этом случае мы сощлемся на впечатление, вынесенное знаменитым нашим ученым Щуровским, доказавшим, что сердце геолога может быть столь же восприимчиво, как и сердце поэта.

«Чем более вступал я в этот гранитный хаос, тем скалы становились круче, громаднее, тем более располагались рядами, разделенными между собою весьма глубокими и лесистыми долинами. Вершины гор покрыты сосною и березою, а скалы их и самые долины поросли рябиною, черемухою, акациею, жимолостью и другими кустарниками. Спускаясь несколько раз в такие лесистые долины и поднимаясь на крутизны, я взъехал наконец на одну возвышенность, с которой открылось предо мною очаровательное зрелище.

Колывань-озеро, как огромное круглое зеркало, лежало в весьма фантастической раме, между самыми живописными гра-

нитными скалами. Без всякого преувеличения найдете тут всевозможные сравнения с древними замками, с развалинами готических зданий, с падающими башнями, со многими искусственными произведениями, с некоторыми животными и человеческими фигурами. При первом взгляде на Кольвань-озеро, на эту величественную картину, невольно обращается к нему все внимание.

Перебегая взорами от одного предмета к другому, ни на чем не можешь остановиться; хотелось бы одним разом все запечатлеть в своей памяти. Я долго стоял на берегу озера, прислушиваясь к шуму и плеску волн. Было довольно ветрено, волны непрерывно неслись к берегу и с пеною расшибались о гранитный утес, у подошвы которого я любовался картиною».

Здесь знаменитый ученый продекламировал «Утес» Бенедиктова и с сожалением оставил прекрасное Кольвань-озеро.

Мы видели это озеро в тихую погоду, когда розовые и голубые блики тихо скользили по нем; светлая зелень то там, то здесь обрамляла берега, уставленные причудливыми пирамидальными скалами, как бы из сложенных друидских жертвенников, за которыми виднелись целые парки, рощи, луга, уходя вдаль и сливаясь с синевою зубчатых, причудливых гор. Местами на берегу лежали целые чаши и валуны гранита; чистые воды озера вымывали крупный гранитный песок. Безмолвие. Но тихие сменяющиеся переливы цветов, отражение причудливых контуров в воде делали вид действительно оригинальным. К сожалению, окружающее было пустынно: здесь нет швейцарских шале, беседок, скамеек, памятников, надписей; какой-то полуразрушенный навес около одинокой скалы сохранял след посещения местных любителей природы. Окружающие деревни слишком погружены в неустанные заботы о хлебе; среди горькой крестьянской жизни им не до прекрасных видов. Поэтому Алтай отлучается от настоящей Швейцарии тем, что здесь, чтобы полюбоваться прекрасным берегом реки, приходится пробираться через грязную скотскую стайку — как не раз приходилось нам — или среди величественных, чарующих душу картин оставаться одинокому, подавленному природою. Это впечатление пустыни, грозной и торжественной, свойственное сибирской, не оживляемой присутствием человека природе, создает несколько грустно-меланхолическое настроение, но рядом с набожно-созерцательным. Вы видите, что пустыня здесь беседует только с богом.

Иногда вид угрюмых гор производит тягостное впечатление, испытываемое, когда темные горы, как синие чудовища или огромные киты, окружают, сдавливают долину. Порою кажется: вот-вот они дохнут, пошевелиятся; может быть, таково чувство зарождающегося в душе человека пантеизма*.

Близ деревни Верхне-Ульбинской, среди этих суровых громад, мы увидели грустное дополнение — мрачную скалу, украшен-

* Так возникла древняя религия. Доселе у алтайских инородцев Алтай — живое существо. (Примечание автора.)

ную крестом. Какой-то одинокий, закинутый судьбою мечтатель бросился с этой скалы. Крестьянка, свидетельница этого события, передавала нам его так: закинутый сюда чиновник собирался уезжать, сильно скучал и ходил ежедневно на скалу, где просиживал часы; раз он взшел, и женщина, работавшая в огороде, увидела летевшего со скалы несчастливца. «Как мотылек вился», — говорила она. Он упал в трещину скалы. Говорили, что у него была несчастная любовь; но смерть не выдала тайны. Скала стоит среди местности, откуда открывается величественная панорама; у подножия ее лежит огромный луг, вдаль — висящие громады, под ногами — бездна. Может быть, подобные бездны, как струящаяся река, имеют иногда безотчетно манящее и кружащее голову притяжение.

В различных местах Алтая попадаются эти кресты на скалах, как памятник гибели людей, как предупреждение, что эти прекрасные, очаровательные места скрывают свои бездны, которые поглощают жизни. Это должен помнить путешественник.

За несколько верст от Колыванского озера, у подножия Синюхи, лежит заводское селение с Колыванской фабрикой. Окружающая его местность представляет также не малый интерес. Около этих мест зародилось рудное дело Акинфия Демидова, поставившего в 1727 году, близ Синей сопки, первый плавильный завод в десять печей. Скоро, однако, за недостатком леса плавка была сокращена и осталось шесть печей. В 1766 году завод приостановлен, пока вырастет лес. В 1799 году завод был совершенно упразднен, и на место его переведена Локтевская шлифовальная фабрика. Здесь была открыта первая руда, а впоследствии — серебро.

Несмотря на то, что Демидов усеял заводами эту местность и открыл неисчерпаемые богатства, заводы не остались в его руках. Вскоре за открытием медных руд люди Демидова разыскали серебро; металлы отыскивались по старым чудским копям и шурфам, где люди медного века проложили дорогу новой культуре. Предания гласят, что Демидов, открыв серебро, удерживал это втайне и тайком выплавлял его, что открылось благодаря измене штайгера. Тогда последовало высочайшее повеление императрицы Елизаветы Петровны — обривизовать рудники бригадиру Бееру, сделать пробы и отобрать рудники у Демидова. Так и было сделано: серебро нашлось, о чем уже заявил и сам Демидов. В 1747 году предписано было принять Бееру рудники и в уплату засчитать недоимки, следуемые с Демидова за его людей в казну (см. Паллас, Щуровский). С этого времени все рудники и заводы, в том числе и Колыванский, находятся в ведении Кабинета. Таким образом, около Колыванской фабрики началась история всего горного алтайского дела.

Синюха представляет красивую выдающуюся сопку, поросшую когда-то прекрасным темным лесом; у подножия ее раскинуто Белое озеро более скромного характера, чем Колыванское. Дорога к заводскому селению выложена и идет по шоссе. Сама фабрика

представляет хорошенькую игрушку; около нее есть живописная скала, гора Синюха для прогулок, увеселительный карбас на озере и архитектурная часовня в селении из цельного камня с мозаикой. Мы позволим себе, однако, остановиться более на трудовом и производительном значении этой единственной в Сибири гранитной фабрики.

Всем известно значение Екатеринбурга, славящегося каменными и гранитными произведениями,—они расходятся по всей России; уральские камни получили общую известность. Но едва ли многие знают о подобных же произведениях Алтая или, по крайней мере, видя их, не подозревают в блестящих, иногда удивительного размера поделках отдаленное происхождение их из недр далекой Сибири, из недоступных гор Алтайских, несомненно более величественных и прекрасных, чем Урал, и тающих не меньше сокровищ. В геологическом и минералогическом отношении Алтай представляет массу редкостей: «самоцветные камни» составили предмет древнейших изысканий. Гранитная мастерская была устроена сначала в Локтевском заводе на Алее и к концу прошлого столетия перенесена на упраздненный Кольванский завод. Понемногу здесь начали выделяться чудовищной величины безделушки и украшения. В 1859 году здесь были выделаны три яшмовые колонны ценою в 13.147 рублей, в 1860 году—три колонны из зеленой яшмы на 10.183 рубля, в 1862—камень из зелено-волнистой ревневской яшмы и ваза из серо-фиолетовой карганской на 7.150 рублей, в 1863—один камень и чаша с прибором из карганской и другой камень из ревневской яшмы; в 1865 году приготовлены мелкие вещи из карганской и ревневской яшмы окаменелого дерева (агата), гольцовской яшмы и ваза в диаметре 16 вершков из карганской яшмы, все на сумму 11.570 рублей. Таким образом, Кольванская фабрика наполнила наш Эрмитаж и множество дворцов самыми дивными произведениями. Оценка этих предметов, произведенная на деньги, далеко ниже их действительной стоимости. Предметы эти производились при обязательном труде, так как к заводам было приписано все алтайское население и в распоряжение их рекрутировалось множество мастеровых взамен военной службы. Сюда свозились целые скалы и остовы камней из далеких неприступных высот алтайских хребтов. Риддерская ломка находится за 346 верст от фабрики, здесь выламывают зеленую с розовыми пятнами брекчию для выделки крупных предметов. В 140 верстах стоит Карганская каменоломня, немного выше Большого и Малого Карганов, впадающих в Чарыш в диком ущелье с отвесными скалами, утесами, безднами и вечно грохочущими ручьями, которые носят местное название «громотух», «шумилих» и т. п.

Выломать и вывезти отсюда камни стоило невероятных усилий. Старожилы рассказывали, что камень для яшмовой чаши из Каргана тащили на себе 200 человек. Эти тяжести плавят по горным рекам, потом везут гужом. Чего стоит одна перевозка!

Затем камни начинали обдělываться, граниться. Это продол-

жалось целые годы. Мы видели эту работу на фабрике. При нас создавалась чаша из мрамора и яшмы; ее работали уже два года, и она должна была по новым ценам стоить около 27.000 рублей. Это была действительно изящная чаша из зеленой яшмы. До сорока мастеровых ежедневно занято работой на станках. Все гранильные станки приводятся в движение одним водяным колесом, которое связано блоком и шкивом с отдельными станками; около каждого сидит со впалой грудью мастеровой и с утра до вечера направляет камень по точилу с наждаком. Чтобы оценить эту тяжелую работу, достаточно сказать, что сделать какую-нибудь ничтожную пепельницу — нужно неделю труда; огранить какое-нибудь пресс-папье нужно работы месяц и более — сколько же нужно было иметь времени для огромных поделок, требующих искусства! Для частных заказчиков мало-мало сносные вещи обходятся в 30—40 рублей, поэтому заказов почти нет. (Жалование рабочие получают: при ежедневной работе лучшим мастерам 150 рублей в год; обыкновенные работники получают от 6 до 9 р. 30 к. в месяц, мальчики — 3 р. и 4 р. 50 к. в месяц. Поденная плата рабочим 20 и 25 к., мальчикам дают 10 и 15 к. Жалование это несколько ниже, чем платит в хорошее время крестьянин своему рабочему. Экономическое положение мастеровых поэтому крайне неудовлетворительно. Заводское селение представляет всегда крайне бедный вид: убогие, покосившиеся домики, иногда с брюшиною в окнах; хозяйства около этих домиков — никакого.

Видом и удобством отличается разве единственный дом — управляющего. Надо отдать справедливость: где мы ни заезжали в Алтайском горном округе, мы находили всегда в домах управителей казенным хозяйством самый изысканный комфорт, дорогую мебель, художественные произведения, прекрасных лошадей и т. д. Подобная жизнь стоила при выписке всего из столиц от 5 до 10.000 рублей в год. О получаемом содержании мы не имеем понятия.

Всегда около подобных домов разбиты прекрасные сады; их украшают клумбы цветов, уединенные беседки, иногда из соседнего пруда проведен фонтан. Здесь вы услышите фортепиано, увидите модный петербургский роман, встретите иллюстрированный журнал, найдете завтрак с прекрасными винами, вкусную сигару. Путешественники здесь никогда не жалуются, напротив, — рассыпаются только в благодарностях, и лично, в смысле убоготворения собственной особы, желать им нечего. Барнаул особенно любит угощать путешественников, и даже знаменитые желудки бременской экспедиции, отличавшиеся огромным истреблением яств и питий, чему подивились даже сибиряки, остались вполне довольны, так как их угощали и дупельшнепами, и шампанским: подобные обеды стоили несколько сот рублей.

Казенное хозяйство Колыванской фабрики гораздо меньше других заводов, так как на содержание ее отпускается всего 20 000 рублей в год. Жизнь служащих здесь поэтому более скромная. Обыкновенно сносно жизнью пользуются нарядчики, мастера;

остальные рабочие влчат весьма жалкое существование. Не редкость семья, где хозяин или взрослый работник-сын, вечно сидя за станком, вкладывает в общий бюджет не более 6 рублей в месяц, а в семействе — беспомощная мать-старуха, сестры. Остаток времени от заводской работы ничтожный, сбыта сделанных на дому изделий нет. Между тем потребности мастерового шире крестьянских: он носит пиджак, семейство привыкло всякий день к чаю — и вот этот забитый, сухощавый человек всю жизнь борется за маломальское удовлетворение своего существования; вечно кругом его бледные лица, вечные вздохи, жалобы, безмолвие и монотонный звук колеса с раннего утра и далеко за полночь. Несмотря на то, что рабочий получает самый скудный заработок в 6 и 8 рублей на фабрике, около него появились своего рода пауки и эксплуататоры, эти спутники нужды и неудовлетворенных потребностей, акулы экономического беспорядка, носящиеся везде, где ожидаются трупы рабочих. Как бы ни были скромны потребности мастерового, но при скудном заработке, при разных случайностях необходим кредит и заем, и вот почти в каждом заводе является благодетель, открывающий лавочку или снабжающий нуждающихся в счет жалования. Такие лавочки на приисках и на заводах держат многие служащие или их жены. На Кольванской фабрике также свой ростовщик, он же и мелкое должностное лицо на заводе. Он успел закабалить рабочих так, что они имеют необходимость в получении жалования, не дослужив еще месяца, для того чтобы купить для своего многочисленного семейства жизненных припасов, без которых обойтись невозможно. Жалование проходит через руки этого лица, и благодетельная супружница его завела лавочку. Ростовщичество мелкое, на гроши, но тем не менее разорительное для мастерового. Нужны деньги, а ему навязывают чай, гнилую материю, предмет стоит один рубль, а ставят два. Но чай не нужен, нужны деньги; получив товар, остается продать его за полцены; самому же заемщику остается вместо нужного рубля — полтинник, а на счету два рубля, вычитываемых при жаловании. Эта запись «беда» рабочего люда: чем дальше в лес, тем больше дров. Прежде, когда был крепостной заводской труд, до 19 февраля 1861 года, мастеровой должен был работать лет тридцать обязательно за один паек. Теперь он свободен уйти с фабрики, но его связала уже специальность. Занялся бы он земледелием, да какой он земледелец, — нет силы в руках, грудь высохла, и он идет, понунив голову, к своему станку. Не много радостей, не много светлых минут в жизни у подобного человека. У девушки первые минуты весны, когда играет румянец, трепетно замирает сердце, блещет девичий глаз и чутко прислушивается девичье ухо: «Где он, милый, где желанный?» Он придет в виде лихого чернокудрого парня мастерового, подарит ей жгучий поцелуй; наступит праздник на несколько дней, шитье скромного приданого, девичьи песни, свадебный пир; а затем потянется монотонная жизнь труженицы-матери, горькая нужда, плач детей и плач над детьми. Отблеск первой зари скроется в свинцовых тучах безутешной жиз-

ни. Еще мимолетной минуты веселья мастерового. Развивается ли он вполне, цветет ли он, когда с детства за вечным станком,— мы не убеждены; но вот выровнялся парень, вышел молодецкой поступью в картузе набекрень с гармонией,— с ухарской песней вышел он в праздник на заводское село. Первый хоровод, первая любовь — это тоже его весна. Его встречает круг товарищей, захватская песня и первая чарка, чарка зараз опорожненная, отуманившая голову, взбунтовавшая кровь, разгорячившая фантазию, распахнувшая дружбу. Но скоро пройдет это юное веселье, и станет эта чарка отравой рабочего: он кинется к ней забыть нужду, неприятности,— наступит дикий, безобразный разгул, циничная пьяная песня сорвется с уст, брань, проклятья; в эти дни солнце будет стоять над ним зловеющим кровавым пятном... а потом еще скучнее, еще тяжелее потянется жизнь под монотонный звук рабочего колеса. Эта чарка сокрушит организм, работа пригнет, присутулит его, угрызения совести помутят взор и заставят опустить его долу, тревожный лихорадочный взгляд будет бегать, отыскивая бесполезно выхода; на бледном и тусклом лице выступит истома, появится робость и принужденность в движениях бедного человека. Таков путь мастерового.

Не удовлетворяемый заработком на фабрике, мастеровой пробовал искать выхода в работе на дому. Он собирает остатки яшм, порфиры, агаты и дома на станке гранит печатки, запонки, пресспапье. Вещи эти он готов сбыть необыкновенно дешево, но в бедном селении частных заказов нет, фабрика заброшена в глуши, о ней никто не знает, и обделанные яшмы, порфиры, агаты пестрой яркой мозаикой валяются так же, как и их первообраз — неотделанный камень, в глухих и безвестных пустынях Сибири. Екатеринбургские счастливицы соперничают на рынке и заняли дорогу. Неимение частных заказов, недостаток сбыта, отсутствие помощи рабочему, отсутствие правильного кредита при помощи ссудных товариществ, недостаток обучения мастеровых лучшим видам гранильного искусства (рабочие делают вещи по допотопным фасонам) — вот что останавливает развитие этого дела на Алтае. Заведение это поэтому находится на степени падения. Наступит ли другое время процветания промышленности на Алтае, образуется ли более выгодный сбыт труда, явится ли гуманная, благотворительная рука на помощь истощенному мастеровому вместо старого ростовщика,— это вопросы будущей жизни Алтая.

Горный алтайский район переживает еще переходную эпоху после крепостного заводского труда. Следы горького прошлого кое-где видны ясно; нередко в заводских селениях встречаются отставные мастеровые, хилые, старые и больные. Если среди здоровых рабочих вы встречаете обыкновенные признаки бедности, то отставные мастеровые — голый пролетариат завода и уличные нищие, оставленные здесь как наследие крепостного права. Это беспомощные старики в отрепьях, изможденные, с высохшими руками, иногда выгнившими глазами, выкрикивающие хриплые жалобы,— валяющиеся в ногах и молящие о пропитании.)

Отставной мастеровой не пользуется ничем, он потерял силы на работе, изболел. Некоторые из них добиваются трехрублевой пенсии, но это скудное награждение не пропитывает. Для них необходима была бы богадельня, но ее нет. Эти живые полусгнившие трупы производят тяжелое впечатление в заводских селениях. Вид этих людей, как и быта приниженных, хилых фабричных, составляет поразительный контраст с сельскохозяйственным населением окружающих деревень, где доселе сохранилась сильная раса. Тип заводских мастеровых и фабричных резко отличается от соседних крестьян. Фабричные мастеровые отличаются от рабочих рудников и заводов, последние исключительно заняты тяжелыми земляными рудничными работами и плавкой металла. Одна жизнь — циклопов, другая — саламандр. Эти заводские рабочие носят местное название «бергалов». Бергал — грозное имя окружающих местностей. Тип настоящего бергала контраст робких мастеровых Кольванской фабрики. Необыкновенный физический труд развил у него некоторые органы в ущерб другим. От сильного напряжения рук пальцы толстеют; руки, выбрасывающие 1200 пудов земли в день, работающие киркой о камень — не руки, а лапы; кулак напоминает гирю; от усиленного постоянною работою кровообращения увеличиваются в объеме органы дыхания и двигатель крови — сердце, раздражительное сердце; грудь выдается колесом. Бергал в работе зверь. Пустую, но напрасную обиду ни за что не снесет. Выругает так, что любая барыня, услышав, упала бы в обморок, или еще хуже — угостит палкой или ломом. Слыша над собой вечно брань, он сам олицетворенная хула. Человек давно без собственности, без будущности, он беззаветен, беспечен, разгулен, дерзок; вечно с насмешкой на устах; он не привык к жалости, ибо он не видел ее; озлобленный, беспощадный, он гроза, куда появляется. Этот заводской пролетарий давно потерял образ мирного, благодушного крестьянина. Вот что писал про алтайских рабочих один бытописатель: «В заводских рудниках живут мастеровые. Мастеровые происходят от крестьян, поступающих по очереди в рекруты, разительно изменяют свой характер, делаясь по большей части грубыми и склонными к побегам, даже к убийствам. Особенно склонны к этому находящиеся в работе в горах, так что нередко посягают на убийство своих начальников. Вера их православная, и обряды религии они исполняют постоянно при наблюдении заводского начальства» (Данилевский, описание Бухтарминского края). К этой довольно казенной характеристике недоставало только одного объяснения: отчего такими эти люди делались? Как вырождались захудалые мастеровые или озлобленные из окружающего могучего и нравственного крестьянского населения, — это может рассказать только история.

Над Алтаем носятся еще легенды о недавних прошлых временах крепостного заводского труда. Сядешь где-нибудь на завалинку под навесом в жаркий день и слушаешь от стариков повесть о бывших управителях, заводских распорядках, повин-

ностях возить руду, обжигать уголь. Нередко эти рассказы, ведущиеся тихо, незлобиво, пробуждают невольно дрожь. Страшное время, благо тебе, что ты кануло в вечность! Да не повторишься ты более над бедным русским народом!

Сильная алтайская раса, однако, не исчезла сразу. Память об алтайских богатырях сохранилась в рассказе о карганских разбойниках.

В конце прошлого столетия в самых дебрях Алтая, около Карганского хребта, по реке Каргану, впадающей в реку Чарыш, была поставлена каменоломня. Здесь начали ломать знаменитые яшмы, окружное крестьянское население, в том числе деревня Карганская, привлечены были к повинности. Дикая и грандиозная местность окружала Карган и соседнюю деревню Чечулиху. К югу от Чарыша тянутся Карганские белки, к северу — Баша-лацкие. Эти хребты доходят до снеговой линии, и белые пятна снега лежат на высотах целое лето; горные реки и ручьи летят здесь со страшным шумом; на каждом шагу вздымаются дикие скалы. Но окрестности представляют до того величественный вид, что заставляют забывать об опасности. Здесь-то в борьбе с природой развертывались могучие силы крестьянства. Они поднимались на горы, опускались в бездны и везли отсюда огромные камни. Что за порода людей воспиталась здесь, можно судить по силачам братьям Белоусовым, которые должны играть роль в дальнейшем рассказе. Старший брат поднимал, говорят, шуром (ломом) двадцатипятипудовые глыбы камней; младший брат был подобной же силы, а сестра их останавливала на бегу коня за гриву. Такие люди жили в Каргане. Долго там было тихо и мирно, послушно доставлялся камень, чудодейственно добываемый из неприступных высот. Вдруг до заводского начальства в Кольвани донесся слух: «Карган взбунтовался и ушел разбойничать». Предводителями явились силачи братья Белоусовы.

Предание говорит, что было двадцать разбойников, все молодец к молодцу.

— Зачем же, дедушка, ушли они? — спрашиваете вы масти-того рассказчика.

— Свое царство хотели в Белках основать.

— Какое же они царство в Белках могли основать?

— Воли захотелось, работа не под силу стала.

Силачи были Белоусовы и с ними Чахловы, никого не страшились; выйдут в долину, начнут стрелять, скот у крестьян забирали, порох, винтовки, а потом уйдут опять в горы; в пещерах спасались. Наконец, казака убили. Начальство согнало страсть народу: 400 человек крестьян было да 100 казаков. Разбойники кинулись в хребты, где невозможно было пройти; они взбирались сами, привязывали лошадей на арканы и поднимали их через белки. Но их повсюду преследовали. При переправе через одну речку убит был старший брат. Наконец, разбойников окружили — пришлось сдаться. «Не вяжите нас, так пойдем, веревки не помогут!» — говорил один из Белоусовых, зная свою силу.

Его связали сыромятными ремнями. «Крепче»,— говорил он. Но когда был связан, он выпрямился и ремни лопнули, только огромные деревянные вилы остались надетыми на плечи и привязанные к ним руки спереди да деревянные колодки на ногах.

Усмирили эту силу. Белоусовы были жестоко наказаны и сосланы. Предание о Белоусовых подтверждается и рассказом ботаника Бунге, путешествовавшего в Алтае в 1826 году. Выходя из Колывани, он уже слышал, что в Каргане неспокойно. Карганскую деревню он нашел опустевшую «Жители деревни Карганской, служившие рабочими на каменоломне, были недовольны падающими на их долю трудами, покинули деревню и, удалясь в соседние горы, образовали здесь разбойничью шайку. В деревне находились только старики и жены беглецов». (Путешествие д-ра Бунге.) Бунге даже удалось встретиться с разбойниками в деревне Чечулихе. А в довершение случайностей у него был даже проводник из Колывани, младший брат Белоусовых, как ловкий и сильный мастеровой. 12 апреля после ботанической экскурсии, один из рабочих, проживавший в Чечулихе и думавший возвратиться домой, принес известие, что на него напали близ деревни разбойники и взяли в плен его товарища. Бунге хотел послать своего проводника для переговоров, как вдруг около деревни раздался выстрел, произведший смятение. Проводник возвратился и объявил, что разбойники уже подле самой деревни. Далее мы передаем буквально рассказ Бунге.

Крестьяне ломились в комнату Бунге и просили его о защите, которой он не мог им оказать, потому что и сам находился в в беспомощном положении. Однако же он решил, что лучше всего идти ему самому к этим людям и отговорить их от всякого насилия как относительно крестьян, так и его самого. Двое из людей доктора последовали за ним. Он спустился с поката горы и с изумлением увидел двенадцать здоровенных человек верхами, из которых каждый был вооружен одною или двумя винтовками, парю пистолетов, саблею и длинным ножом. Один крестьянин, перед домом которого они остановились, принес ведерную бутылку водки, чтобы их умиловить. Когда Бунге подошел к ним, они поклонились ему и назвали его по имени, желая этим показать, что хорошо его знают. Он стал увещевать их и просил от имени целой деревни не делать никакого насилия крестьянам, ни ему, так как впоследствии они будут строго наказаны. Они уверяли, что ему как доктору, который необходим для каждого, нечего их бояться, потому что они и сами раньше были обязаны своею жизнью искусству доктора, что они часто видели его во время экскурсий и готовы помогать ему во всем, в чем он будет нуждаться, делить с ним в горах пищу и питье, снабжать лошадьми для верховой езды, а где нельзя проехать, перенесут его на руках, потому что он, доктор, как они слышали, хорошо обращается с их братом. Затем они провозгласили его здоровье, выпили вина и просили его отвечать на провозглашенный тост. Отговорки Бунге ни к чему не послужили, а потому, желая облегчить положение крестьян,

он должен был исполнить желание разбойников. Только это также не совсем помогло. Скоро бутылка водки стала пуста, потому, что собравшиеся крестьяне тоже принуждены были выпить. Общество стало шумнее и пошло теперь из дома в дом. Добром или силою разбойники требовали и брали все, что им было нужно, а в особенности винтовки, порох, деньги и т. п. Хозяин Бунге, самый богатый крестьянин в деревне, которого они особенно имели в виду, должен был поплатиться 50-ю рублями и многими вещами. Вследствие усиленной просьбы разбойников доктор угостил их также вином и был очень рад, что отделался так дешево. Сделав обход по всей деревне, разбойники хотели сперва переправиться через Чарыш, но так как большая часть из них были пьяны, да и вода в реке прибывала, то некоторые из них решились переночевать на этой стороне и спросили на это разрешение Бунге. Шум делался сильнее. Крики их, беспрестанные выстрелы холостыми зарядами из пистолетов, их воинственный вид, рев ветра, плач женщин, лай собак, шум Чарыша — все это смешалось и составляло обстановку сцены, которая наводила страх. Бунге привелось прекратить еще сильный спор, возникший между некоторыми разбойниками и его проводником, которого они уговаривали идти вместе с ними.

Так как братья принудили его пить и он был сильно пьян, то прибег скоро к насилию, которое могло бы иметь дурные последствия, потому что это был человек необыкновенно сильный и, доведенный почти до бешенства, готов был убить кого угодно из разбойников.

С пособием одного из своих людей доктор успел, однако же, похитить у него нож и заряженную винтовку; потом при помощи других его утащили и заперли. Разбойники расположились около большого огня, а жители нанесли им всевозможных припасов на ужин. Шум продолжался целую ночь. Но некоторые разбойники, менее пьяные, смотрели за порядком, имея постоянно в виду неожиданное нападение: у них не только были заряжены винтовки и пистолеты, но приготовлены патроны и пули, чтобы в случае надобности скорее заряжать.

На другой день хозяин Бунге угостил их чаем, и они отправились далее. День был холодный и пасмурный; шел то дождь, то снег; Чарыш сильно взволновался, так что было затруднительно переправиться. Многие разбойники уселись в лодки, которые часто черпали краями воду, но некоторые разделись и пустились вплавь, держась за хвосты лошадей. Быстрота течения уносила их далеко; часто лошадь и человек на минуту скрывались под водой.

Таким образом, рассказ очевидца-путешественника вполне подтверждает свидетельством о силе и выносливости этих людей.

До сих пор в горах на Бухтарме среди «каменщиков» охотников и на уединенных трактах попадаются люди необыкновенного сложения, крепости, полные отваги, смелости и отличающиеся полным крестьянским благодушием. В деревне Калкамонке на

Бийской линии мы видели сами девицу, имевшую 64 сантиметра, или почти один аршин, в плечах и поднимавшую, по словам отца, до 12 пудов. Это потомки алтайских раскольников, о которых мы когда-нибудь будем вести речь.

Самое мрачное время миновало для Алтая с освобождением подзаводского населения 19 февраля 1861 года. Алтай переживает еще переходную эпоху, но заря новой жизни уже золотит вершины его прекрасных гор более светлыми лучами будущего. Отовсюду в плодоносные долины Алтая спускаются трудолюбивые переселенцы-колонисты, стекаясь со всех сторон земли русской и ища здесь приволья после тяжкого малоземелья. Приветливы эти луга, бесконечны пространства, душисты и ароматичны травы, весело и ярко светит на них божье солнце, сует трудолюбивая пчела и несет пахучий мед в раскинувшиеся сотнями гор, шахматами красуются эти поля, наливаются пышно колос на девственной почве, дающей огромные урожаи. Да будет благословен новый труд твой, русский пахарь; надо же снять тебе когда-нибудь полную жатву!

8 мая 1880 г.

Журнал «Русское богатство», 1880, № 8.

СТРАННИК НА ЗОЛОТОМ ОЗЕРЕ

(Из путешествий по Алтаю)

Величественные, девственные леса покрывают весь юго-восток Томской губернии, они тянутся по всему Кузнецкому и восточной части Бийского округов. Здесь начинается пустыня, пред которой еще останавливается русская колонизация.

В 1880 году мы двинулись в эту пустыню. Проезжая по лесным тропинкам этих дебрей, мы были приятно изумлены разнообразием растительности. Осина, береза, рябина, тополь, черемуха перемежались в пестрой зелени. Когда из долины р. Наймы, цветущей и покрытой сочными травами, мы совершили через горы перевал к Поспоулу, нас окружили огромные кедры, травы, папоротники и репей, которые поднимались выше роста человека, сидящего на лошади.

Дикий хмель обвивал деревья, подобно лианам. Среди кедров и сосен разрастались рябина, акация, бузина; кусты черемухи, смородины, малины свешивали гроздь своих ягод. Местами выступал чистый лиственный лес. Когда мы поднимались на перевал, нас окружали прелестные парки из тополей, берез, сосен; зелень была свежая и сочная, эта зелень живописно сбегала по склонам. На вершине перевала шел дождь, и мы увидели радугу, опрокинувшуюся аркой, опершейся на соседние горы; вдали синели